

ОБРАЗ ЧУЖОГО В СОЗНАНИИ НАЦИИ

Марков Б.В.

Формирование наций было связано с гражданскими войнами, а под лозунгами свободы, равенства и братства интенсифицировался образ чужого. Эпоха становления национальных государств характеризуется международными конфликтами. Как выход из них, Кант предложил проект вечного мира, основанного на праве гостеприимства. Международные организации, возникшие после второй мировой войны, опираются на принципы мультикультурализма и толерантности. Но они не обеспечивают цивилизованного отношения к чужим. В этой связи целесообразно обратиться к изучению возможностей традиционных практик гостеприимства, благодаря которым наши предки преодолевали стресс чужого.
Ключевые слова: человек, национальное государство, чужой, гость.

Сегодня в нашем мультикультурном мире мы стоим перед радикальным вопросом уже не о другом, а о чужом. Хуже того, под воздействием террористических актов реанимируется образ врага. Расширение национально-этнических конфликтов толкает уже почти в пожарном порядке к какому-то более эффективному решению проблемы чужого, нежели принцип толерантности. Поиск решения осуществляется в альтернативных направлениях: во-первых, как продолжение попыток открытия единых оснований различных культур. Во-вторых, как стратегия мультикультурализма: не только по эпистемологическим, но и по моральным соображениям среди основных прав человека следует признать главное право – быть другим. Сомнения в принципе мультикультурализма вызваны протестами местного населения, права и обычаи которого не признаются приезжими. Если раньше мегаполисы выполняли роль «плавильного тигля» этносов, то сегодня они четко сегментируются в форме национальных кварталов. Приезжие создают свои анклавные территории и постепенно вытесняют местное население.

С точки зрения политологии, рождение современных наций протекало под знаком вражды против того, что сословные нации называли «отечеством», и против партикуляризма материнского языка, который, по мере угасания

чувства родства, стал квалифицироваться как чужой. Примером прощания с символами отечества и материнского языка является рождение американской нации. Английское, французское и иное происхождение вытеснялось и забывалось. На место «народа», хотя это слово осталось в Конституции, был поставлен суверенитет нации. Однако новое национальное единство, как известно, сопровождалось элиминацией «чужих языков», оргией насилия и кровопролитной гражданской войной. В силу выполнения защитной функции, национальное государство развивает не только подозрительность, но и реальные средства слежки, надзора за чужими. Как пример, можно привести эволюцию таможни, разведки, политической полиции.

Национальная идентичность сегодня понимается как искусственный социальный конструкт. Нация – это политическое, а не этническое образование. Вместе с тем представители той или иной нации самоопределяются на основе языка, культуры, территории, труда и даже некоего родства, или «братства», как было написано на знаменах французской революции, К сожалению, мы живем в таком мире, где не действует завет: возлюби ближнего своего. Мир стал слишком тесным, и в нем господствует непризнание, виртуально он заражен расизмом сильнее, чем раньше. Для обеспечения мира еще И. Кант выдвинул концепцию Союза свободных наций, основанного на принципах равноправия. Спустя 200 лет после кантовского трактата о вечном мире появились такие надгосударственные организации, как Международный суд, Комиссия по правам человека. Сегодня возникли новые формы пацификации, порожденные глобализацией. Транснациональные кампании, банки, издательства, информационные концерны существенно ограничивают амбиции правительств тех или иных национальных государств, разрушают их классическую державную политику. Мировая общественность также институализировалась в форме разного рода негосударственных организаций, наподобие Гринпис или Международной амнистии. Благодаря интеграции в международные структуры, снимаются негативные последствия

автономизации, а национальное государство переходит в новую фазу развития, характеризующуюся открытостью границ, заинтересованностью в сотрудничестве и обмене (экономическом, культурном, информационном) с другими странами и народами.

Но «Союз народов», как о нем мечтал Кант, и современное «мировое сообщество» – конечно, разные вещи. Миротворческие интервенции НАТО вызывают подозрение, что универсалистский проект, на словах стирающий границу между своими и чужими, оказывается формой морального ханжества. Более того, он продолжает стратегию «маленькой победоносной войны», которая считалась политиками, вроде К. Шмитта, хорошим средством для поддержания боеспособности населения «первого мира».

Естественное право не видит никаких проблем в использовании насилия для достижения справедливых целей. В этом случае оно считается естественным, а потому законным. Такое положение стало основой террора во время французской революции. Оправданию насилия во многом способствовала дарвиновская теория борьбы за существование. То, что казалось в эпоху Дарвина естественным законом, на самом деле было инспирировано законами существования в условиях капитализма, подмеченными Мальтусом.

В рамках *позитивного права* насилие расценивается с точки зрения не целей, а средств. Насилие нельзя оценивать критерием справедливости, который применим к целям. Насилие как принцип подлежит нравственной оценке, лучше оценивать его критериями законности, применяемыми для оценки средств. Справедливые цели должны достигаться законными средствами, а оправданные средства могут быть использованы для достижения справедливых целей. Однако позитивное право слепо в отношении безусловности целей, а естественное – в отношении законности средств.

Теория позитивного права является приемлемой при оценке разных видов насилия независимо от случаев его применения. Она различает между

исторически признанным и не санкционированным насилием. Однако для различия между необходимым и неоправданным насилием, для оценки насилия с позиции справедливых и несправедливых целей нет четких критериев. Обычно насилие подвергается критике как при достижении естественных, так и правовых целей. В позитивном праве допустимы лишь юридически оправданные цели, достигаемые законными средствами. Естественные цели входят в противоречие с правовыми, если достигаются средствами, подрывающими правопорядок. Право монополизует справедливость в руках государства и не разрешает индивиду использовать насилие. Таким образом, место различия "справедливое / несправедливое" занимает различие "правовое / не правовое".

В рамках теории позитивного права неопределенным остается вопрос о допустимости самообороны. Кроме того, не объясняется сочувствие народа по отношению к преступникам. Наконец, остается проблема легитимности революций и забастовок. Конституция не считает допустимым ни насильственное свержение существующего строя, ни право на всеобщую забастовку. Однако как быть в том случае, если власть не соблюдает интересов народа? Можно ли считать забастовку, как форму бездействия, насилием, если речь идет о реакции на насилие работодателя,

Сорель различал политическую и всеобщую забастовку. При политическом перевороте власть переходит от одной элиты к другой. Всеобщая же забастовка направлена против государства как такового. Первая форма протеста является правоустанавливающей, а вторая анархической. Сорель отклоняет любые правовые ограничения революционного движения. Революция – это ясный простой бунт. Наоборот, забастовки – это чаще всего безнравственное вымогательство.

Если право понимать как основу порядка, необходимого для мирного существования, то для его сохранения допустимо и насилие. Институт полиции соединяет правоустанавливающее (инструкции) и правоподдерживающее насилие. Отсюда возможность правонарушений в

полиции. Её существование, по сути, означает, что государство не может достигнуть своих целей посредством права. Если в монархии полиция выглядит как естественный атрибут власти, то при демократии ее действия часто вызывают возмущение.

Правоподдерживающее насилие оправдано угрозой в отношении жизни и собственности граждан. В определенном смысле сам закон, как показал Ф. Кафка, является угрозой для конкретных людей. Мифическая двусмысленность закона проявляется в том, что его нельзя переступить. Бывает, что законы не прописаны, и когда не знающий о них человек переходит границы дозволенного, он обречен на возмездие.

Нельзя не замечать двусмысленность права, в основе которого лежит правоустанавливающее и правоподдерживающее насилие. Можно ли снять противоречие интересов, не опираясь на насилие? В голову приходит христианское прощение и покаяние или их варианты в стиле Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Кроме принципа совести можно вспомнить о развитом чувстве стыда в примитивных общностях или о чести в сословном обществе. Ненасильственное урегулирование конфликтов не может опираться на правовые договоры, так как их неисполнение тоже приводит к применению насилия. Без насилия право перестает существовать. Даже парламент был продуктом революционного насилия. Да и сегодня он не является ненасильственной формой снятия конфликтов, так как опирается на право, в основе которого лежит насилие. Это подтверждается тем, что компромисс и договор чаще всего имеют вынужденный характер.

Правоустановление – это акт непосредственной манифестации насилия. Согласно Руссо, насилие учреждающего действия является гарантией власти. Что же кладет предел правоустанавливающему насилию? В. Беньямин считал, что подавление одного насилия другим (правоустанавливающим) подрывает его легитимность. Он выдвинул концепцию правоуничтожающего «божественного насилия», которое не вызывает чувства виновности и греховности, а действует искупающе. Божественное насилие не является

правоустанавливающим. Оно является уничтожающим, искупительным в отношении собственности и других благ, но не в отношении другого. Что касается опасности его допущения, то оно ограничено заповедью "Не убий". Это не закон и не угроза наказания. Это не мера приговора, а руководство к действию, обращенное к индивиду.

Итак, насилие прерывается революционным насилием, отменяющим право вместе с сопутствующими формами насилия. Насилие по ту сторону права – это революционное насилие. Праведная война, божественный суд толпы над преступником – это формы божественного насилия. Они не являются ни правоустанавливающим, ни правоподдерживающим насилием. "Божественное же насилие, которое является знаком и печатью, но никогда средством священной кары, можно назвать властвующим (*waltende*)."^[1. С. 95] Пожалуй, убийство в случае самообороны допустимо. Тот, кто его совершает, берет ответственность на себя. Но в отношении остального, например, революционного насилия, которое допускал Бенъямин, остаются сомнения. Можно ли расценивать революционное насилие как необходимую самооборону одного класса или народа против другого?

Ненасильственные отношения между людьми опираются не на право, а на культуру сердца. Вежливость, симпатия, миролюбие – вот основы ненасилия. Они реализуются на основе специфической технологии, например, беседы, диалога и иных форм соглашения. В раю нет места вражде и, следовательно, политике. Райская коммуна – это друзья, это место реализации этического отношения друг к другу, но и после убийства Авеля Каином встреча с врагом не заканчивалась фатально в масштабах целого. Люди продолжали жить вместе, мирились с врагами и соседями.

Как сегодня залечиваются раны войны? Чтобы ответить на этот вопрос надо выходить в сферу психоистории и рассматривать эволюцию сознания как победителей, так и побежденных. Сегодня, несмотря на победу в Великой отечественной войне, у старшего поколения россиян сформировалось сознание побежденных. Совсем иначе чувствуют себя

немцы, которые удачно, без ресентимента и жажды реванша, вышли из постстрессовой ситуации и уверенно лидируют в новой Европе. Нечто подобное происходит сегодня в сознании жителей Кавказа, которые осознали предательство элиты, втянувшей их в войну за независимость.

Традиционные общества обычно упрекают в ксенофобии, забывая при этом о культуре гостеприимства. В эпоху Просвещения под влиянием Руссо гостеприимство и дружелюбие стали антропологической константой и основой этики. Это подтверждалось рассказами путешественников об удивительной щедрости дикарей. Сходным образом Тацит описывал радушие древних германцев. Мало того, что их двери не запирались, они принимали, угощали и одаривали пришельцев, не требуя ничего взамен, давали необходимое, не прося цену. С одной стороны, поскольку эта щедрость проявлялась по отношению к любому, и у чужого не спрашивали ни имени, ни происхождения, постольку это позволяет утверждать «универсальность человечества». С другой стороны, эту щедрость можно интерпретировать как выражение детской незрелости людей, у которых представление о другом как индивидуальной личности попросту отсутствовало. Это дает основания полагать, что щедрость была законом до того, как сложились отношения эквивалентного обмена. Таким образом, торговля оказала разрушительное воздействие на традицию радушного приема путников.

На самом деле, развитие платного сервиса позволяет говорить о раздвоении частного и общественного гостеприимства. Первое ограничено сферой дома, второе государством и институтами общества. Попытка объяснить дружелюбие к гостю как первоначальный этос человечества не совпадает с традиционным восприятием чужого, который считался военной добычей и подлежал умерщвлению или рабству. Раньше чужого превращали в раба или в крепостного. Только на основе обмена, упорядочиваются отношения людей и появляется понятие «человечности», применяемое к чужим, в то время как беднота собственной группы унижена и голодает. Таким образом, право чужого определяется интересом группы в обмене и

торговле с другими сообществами. [2, с. 363] Гегель тоже связывал синкретизм дружелюбия и враждебности с неразвитостью правосознания. Свободный дар и принудительная дань являются эквивалентом бесправия. Храм, как место дружелюбия, и рынок, как пространство конфликтов, дополняют друг друга.

Общительность является, по Канту, антропологической константой, она изначальна. Чувства и эмоции коммуникативны по своей природе и связаны со способностью суждения. Людям приходится мириться с соседством, поэтому идея всемирного гражданства не является нелепой. Это и дает повод говорить о праве всеобщего гостеприимства. В «Метафизике нравов» Кант различал сообщество друзей и сообщество торгашей. Последнее экстерриториально. По сути дела, право торговли на любой территории не означает признания прав чужого. Он по-прежнему бесправен. Как альтернативу колониализму и империализму, Кант и предложил право гостя. [3, с. 279]

Гостеприимство, – скорее, идеал, чем реальность. Поэтому ксенософия – это удел философов. В истории народное право уступает место государственным законам и на смену гостеприимству приходит кодекс чужого. Другой расценивается как угроза или благо в зависимости от враждебности или дружественности отношений между группами. Даже если отношения между группами являются воинственными, другой воспринимается как враг, как добыча, но не чужой. В том случае, если щедрость дара постепенно уступает место отношениям обмена, чужие могут включаться в группу и выполнять внутри нее определенные функции. И в этом случае они остаются на периферии, и, в зависимости от ощущения опасности или безопасности, могут восприниматься как благо или зло.

Право гостя в средневековой Европе определялось торговыми интересами городов и вытеснило более древнее право чужого, которое сформировалось господствующими группами для оправдания захвата пленных. [4. С. 473] Гость приравнивался к горожанину, чужой же был

подданным. Народное право еще в XIX в. определяло чужого как временного подданного, частично наделенного и частично лишенного некоторых прав. Если попытаться суммировать право чужого из права добычи или права временного подданного, то получится, что права чужого приравнивались к праву на владение вещами и не включали прав личности. Если чужой имеет те же права, что и раб, то можно сказать, что он не имеет человеческих прав. С точки зрения территориально-государственного права, чужой или иностранец не имеет прав на общественную собственность. Он ценен лишь как владелец товара и денег.

В результате развития государства народное право, которое отчасти включало права гостя, раскололось на частное и общественное право. Монополизация права государством включала одну существенную поправку: ни индивид, ни группа не могут претендовать на закон гостеприимства, если они являются иностранцами, т.е. не принадлежат к данному правовому сообществу. Это ярко проявляется во время войны, когда иностранцев интернируют. Начиная с XVI в. подозрительность государства к иностранцам превратила гостя в чужого. Речь идет о постепенной идентификации пришлых с целью обеспечения безопасности. В дисциплинарном обществе надзора все под подозрением. Теперь допрос осуществляется прямо на границе, у городских ворот, у порога дома. На чужих, даже если они приезжают по делам торговли или церкви, накладываются серьезные ограничения.

Система записи имени и происхождения начала складываться в Европе уже с XIII века. Помимо службы и исповеди, священники были обязаны записывать в церковные книги даты крещения, бракосочетания, смерти. Кроме дат, естественно записывались имя и происхождение. Так церковь начинает брать на себя функцию божественного всезнания. Государство так же не отстает. В книгах приезжих фиксируется не только имя и происхождение, но и пол, возраст, профессия и прочее. Сначала удостоверением служили рекомендательные письма. Затем для военных

ввели предписания, где, кроме имени и звания, указывали задание. В Пруссии ввели нечто вроде паспорта для приезжих. В начале XIX в. в Австрии впервые были введены общие паспорта. Там указывали антропометрические характеристики: рост, цвет глаз и т.п., – всего около 30 параметров. В XX в. персональный паспорт становится обязательным, в нем указывается гражданство, которое не зависит от места проживания.

В наше время все боятся террористов, и поэтому тщательные досмотры пассажиров, даже на внутренних линиях, становятся обычным делом. Ни одно из солидных мероприятий не обходится без привлечения службы безопасности. Не стоит на месте и картотека. Если раньше туда попадали делинквентные личности, то сегодня в базе данных государства существует обширная информация о каждом человеке, включая его доходы и расходы, движение по службе, биометрические параметры и даже генетический код.

Старое различие "друг-враг", которое является опорой политического, до неузнаваемости трансформировалось в эпоху массмедиа. Ортега-И-Гассет писал о разобщенности индивидов в массовом обществе, а виртуальная социальная реальность характеризуется как интеграция путем устранения Другого. Враждебно то, что не принадлежит виртуальному пространству. Отсюда образ врага становится чрезвычайно размытым, так сказать «фантомным». К сожалению, производство символического врага тоже по своему опасно. Оно культивирует страх и усиливает агрессию PR-акциями.

Политическое решение проблемы другого не исчерпывается провозглашением принципов мультикультурализма и толерантности. В его основе лежит реалистическое признание чужого, который не является романтической выдумкой, а живет и работает рядом с нами в рамках современного многонационального общества. В силу этого он должен понимать государственный язык, разделять общие установки и ценности. Включенность чужого осуществляется в рамках единого культурного пространства, на основе рациональных переговоров и коммуникации. Если его не загонять в угол, например, урезая его социальные права, зарплату, и

заставлять думать, пить, есть и одеваться так, как это делают представители "государствообразующей нации", то он не станет абсолютным скептиком или террористом.

Подводя итоги, можно выявить несколько ипостасей врага:

- индивид или группа причиняющие вред;
- символ враждебности;
- механизм идентификации субъекта;
- способ скрыть собственную пустоту, нехватку (этому служит, по Жижеку, образ еврея).

Сегодня популярна психоаналитическая интерпретация образа врага как группового фантазма. Как "символический маркер" он уже не является сигналом к войне. «Фантомный враг», вырабатывается центром – элитой и посылается на периферию – рядовым гражданам для оправдания жестких мер. В символическом варианте враг по-прежнему расценивается как инкарнация дьявола. Например, Рейган объявил СССР «империей зла». Конечно, враги и преступники существуют, но их нельзя обвинять в сговоре с мировым злом. Это будет не уже суд, а инквизиция.

Список литературы

1. Беньямин В. Критика насилия. – М., 2012.
2. Ihering R. Von der Gastfreundschaft im Altertum. // Deutsche Rundschau. – Stuttgart. N. 51. 1992.
3. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в 6-ти т. Т.4, часть 2. – М., 1965.
4. Schulz A. Uber Gastgerecht. // Historische Zeitschrift. Bd. 101. – Berlin, 1998.

Марков Б.В. Образ чужого в свідомості нації.

Формування націй тісно було зв'язано с громадянськими війнами, а під гаслами свободи, рівності та братерства ідентифікувався образ чужого. Епоха становлення національних держав характеризується міжнародними конфліктами. Як вихід з них, Кант запропонував проект вічного миру, заснованого на праві гостинності. Міжнародні організації, що виникли після другої світової війни, спираються на принципи мультикультуралізму та толерантності. Але вони не забезпечують цивілізованого відношення до чужих. У зв'язку с цим доцільно звернутися к вивченню можливостей традиційних практик гостинності, завдяки яким наші предки долали стрес чужого.

Ключові слова: людина, національна держава, чужий, гість.

Markov B.V. Image another's in consciousness of a nation.

The formation of nations was connected to civil wars, and under the slogans of freedom, equality and brotherhood the image another's was kept. The epoch of development of the national states is characterized by the international conflicts. As the exit from them, I. Kant has offered the project of the eternal world based on the right of hospitality. The international organizations which have arisen after the second world war, lean on a principle of tolerance. But it does not provide the civilized attitude to another's. In this connection it is expedient to address to study of opportunities of traditional practice of hospitality, due to which our ancestors overcame stress another's.

Key words: the man, national state, another's, visitor.